

ЗАЧЕТ КОМСОМОЛЬЦЕВ ПЕРЕД СЪЕЗДОМ

ние о вступлении в партию. Комсорг Александр Иванков приобретает вторую специальность — осваивает ремонт кранового оборудования. Владимир Шкирман учится на подготовительных курсах в горно-металлургическом институте. Он один из шестерых пионеров из четвертой школы. Словом, о каждом из комсомольцев группы Иванкова можно сказать много хорошего. Недаром они

два месяца подряд держали первенство в цеховом соревновании комсомольских групп.

Обо всем этом рассказывали ребята на зачете. Но когда разговор перешел к ленинской работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», большинство из них не смогли ответить на вопросы, дать верное толкование основных положений произведения.

После этого ленинского

урока Валерию Лагуточкину пришлось уже не восхищаться, а сокрушенно вздыхать: «Не понимали ребята. А ведь изучали, и конспекты у них даже есть». Да, не под силу оказалась им эта работа. Они постигнут ее позже. Естественно, возникает вопрос: «Почему же это оказалось под силу группе, которая сдавала зачет утром?». Ответ прост. В четвертой бригаде термического от-

деления большинство молодежи учится в институте. А ребята из механослужбы или учатся в школе, или же только собираются поступать в институт. И им, конечно же, труднее усвоить понятия, которыми оперирует В. И. Ленин, постигнуть ход его мыслей. Ленинская работа рекомендовалась для самостоятельного изучения. А те, кому необходима была помощь, могли получить

консультацию у опытного пропагандиста. Такая консультация была организована и в той и в другой группе. Но помогла она лишь термистам, потому что они подготовлены к изучению этой работы.

Вывод ясен: чтобы не стало формальностью обязательное положение ленинского зачета — овладевать теоретическим наследием Ильича, — надо умело выбирать про-

изведения и рекомендовать их для изучения каждой комсомольской группе в зависимости от образования молодых рабочих. Не только в том польза, что работа изучена. Она должна в чем-то помочь разобраться молодому человеку и повести его дальше в изучении ленинского наследия, вызвать интерес к работам вождя, потребность знать их.

Б. РУБИНА.

МНОГО ЛН требует молодая душа, чтоб чувствовать с е б я счастливой, когда энергии и задора в тебе хоть отбавляй, впереди — волнующая неопределенность самостоятельной жизни, позади — зачеты и госэкзамены, а рядом — подруги. Радость переполняла молодого техника-технолога Ирину Широкову, когда она с тремя сокурсницами ехала в Магнитку после окончания горно-керамического техникума.

Молодые специалисты устроились бигунщиками в отделении блоков огнеупорного производства. Им выделили комнату на троих.

Это была хорошая пора, несмотря на то, что работа на бигуне, скажем откровенно, эстетического удовольствия почти не приносит, зато требует изрядной сноровки и большого физического напряжения. Ирина работала с подъемом и желанием. Ей казалось, что она чем-то похожа на первых строителей города-легенды, ну, а если вилка за обедом дрожала, домой приходила уставшая, то «это даже на пользу, это совсем неплохо».

Это была хорошая пора, потому что Ирина очень скоро втянулась в трудную работу, не так уставала, как прежде, и ежедневно горячо обсуждала с подругами отработанную смену, спорила, доказывала, как нужно быстрее и лучше освоить технологию производства огнеупоров, многое подмечала и огорчалась, если видела в чем-то отступление от тех норм и правил, которые так усердно изучала в техникуме.

Это была хорошая пора: Ирина была спокойна. Ей казалось тогда, что так будет всегда — стоит только ей лично относиться к делу честно и с любовью. В этом убедила ее работа на бигуне. Здесь все зависело от ее способностей и умения, от ее личных качеств. Не имея ни минуты свободного времени, всегда занятая в течение всей смены, она была бесконечно довольна, что могла выполнять работу хорошо. Ирина думала, что так же загружены, так же устают и все работающие вокруг. Откуда ей, начинающей, было знать, что в коллективе рядом с честными и работающими могут быть и недобросовестные и просто ленивые люди?

ВИДИМО, никто не извещен от трудностей, которые неизменно порождает период вживания в коллектив, неизбежный социальными процессом адаптации. Каждый из нас по-своему входил в производственную среду и, конечно, не без лиризма, наивного и очень часто далекого от подлинной сути вещей восприятия окружающего. Для нас, взрослых, это давно уже пройденный этап. Мы-то теперь понима-

ем, что такое состояние чувств молодого рабочего вполне закономерно и даже нашли ему определение — неопытность. А когда начинающий рабочий не различает нюансов в делах производственных и пытается действовать согласно принятым ему в период учебы идеальным нормам, без учета обстоятельств, мы говорим: молодости свойственна прямолинейность и категоричность в делах и мыслях.

Когда же тщетными оказываются все наши попытки узнать причины каких-то поступков молодого рабочего, утверждаем (не без того, чтобы себя оправдать), что молодость естественна в своей замкнутости и неоткровенности. Мы вообще очень легко рассуждаем о

могло случиться, что на глазах у многих взрослых людей, в большинстве своем отцов и матерей, в болезненных поисках участия ожесточенно бился и ломался сам в себе характер этой девушки?

Что же произошло с Ириной Широковой? По словам самой Ирины она перестала верить в искренность людей, в их доброту и чуждость. Это недоверие зародилось в душе молодой девушки с того, пожалуй, момента, когда она стала работать старшей сортировщицей-приемщицей. Ничего нет сложного в этой работе. Сортировщицы укладывают в пакеты огнеупорные изделия, а Ирина проверяет, нет ли там бракованной продукции, пишет номер вагона на пакете, число, фамилию сор-

тировщицы — и отправляет готовую продукцию на склад. Все легко и просто. Но Ирина теперь не спокойна. Если есть прямая необходимость в том, чтобы контролировать работу сортировщицы, значит, сортировщицы могут укладывать в контейнеры и, например, те стопорные трубки, которые по ГОСТу — брак. Тем более, что заработок у них находится в прямой зависимости от количества произведенной работы. И странное, непонятное и поэтому раздражающее других рвение к работе проявляет Ирина. Она требовательна и настойчива до предела. Частенько приходится ей обнаруживать бракованные изделия в пакетах. А сколько не успевает она обнаружить? В смене до восьми сортировщиц, а Ирина одна. Если готов пакет, то не будешь же заставлять сортировщицу его перекладывать, чтобы убедиться, что внутри нет брака. А верить, вроде, тоже нет прочных оснований. Ведь бывало и такое: пакет Ирина подписала, а после возвращает его со склада.

Особенный характер?..

• РАЗМЫШЛЯ
НАД
ФАКТОМ

Иногда мы говорим, что вот она, мол, чересчур горяча и очень близко все принимает к сердцу, напрасно так придирчива она к изделиям: трубки-то все равно будут, не здесь, так при перевозке. Велика беда — чуть надломлен край... Ирина все это понимает, умом воспринимает, но совесть не дает поступать так, как

лодость и честность не в состоянии принять, согласиться с ними. Не будучи объясненными кем-то, кому верить, кого уважать, эти обстоятельства способны надломить веру человека в искренность людей и их доброту. В тот момент, когда до умудренного опытом люди по-отечески снисходительно рассуждают о молодости и ее, так сказать, изгибах и перегибах, рядом, может быть, напористо, чисто и страстно пробивается сквозь свои ошибки и заблуждения горячее желание молодой души быть всеобщей и полезной. Но не найдя в нужную минуту человека, которому станут сердечны близки и эта страстность, и эта странность характера, молодость может поплакаться за все то, о чем мы неизменно говорим с восхищением: молодость! Молодость поплачется за молодость.

Молодому человеку всегда необходим старший умный друг, наставник, товарищ, кому можно довериться, кто никогда не станет проявлять высокомерие умудренного опытом человека.

У МЕНЯ нет оснований упрекать всех, кто окружал и окружает Ирину Широкову, в безразличии к ее судьбе. Задолго до того, как стала Ирина работать на сортировке, предложили ей место инженера по технике безопасности. Судили хорошую премию и прочие выгоды.

Молодому человеку надо не просто полагаться, а любить его и понимать. Понимать в нем не то, что должно быть по нашим представлениям, а то, что в нем есть на самом деле.

А в характере Ирины много положительного, что должно остаться в нем, не исчезнуть с молодостью. Это ее честность, любовь к труду, это ее тяга к искренним и чутким людям. И можно ли считать замкнутость и неоткровенность пороком молодости, если молодость всегда отличается в отношении к себе фальшью, если даже эта фальшь настолько загромождена, что заставляет загроможденное ее верить в собственную искренность. Скорее всего это трагедия, когда, чувствуя фальшь, молодость инстинктивно, спасаясь от нее, уходит в себя, наглухо закрывая створки души.

Конечно, трудно руководителю производства и вообще «окончательно взрослому» человеку нащупать стезю, ведущую в мир чувств молодого человека. Но это необходимо. Во имя истинности в оценках действий и поступков младшего товарища и для того, чтобы знать, как оценивает и понимает и почему так оценивает молодой человек некоторые явления жизни, и что мы способны сделать, какую помощь можем оказать ему в том, чтобы быстрее освободился он от «школьного», оторванного от трудовых будней осмыс-

ления жизни, чтобы не была доведена работа чувств молодого человека до состояния излома, до неверных и печальных обобщений.

«Окончательно взрослые» люди забывают порой, что если рядом с ними молодость (а она всегда рядом), то ее будущие черты взрослости в какой-то степени уже отражены в них. И если в этом будущем молодость замечает то, что расходится с ее представлениями о добре, искренности и чуждости, то процесс взросления может оказаться таким, каким он стал для Ирины Широковой: полным внутренним отчаянием, неверия в себя и окружающих.

Я встретился с Ириной в тот, можно сказать, момент, когда она осознанно видит и осознанно не соглашается с тем, что есть нечестно, неразумно, неверно, но сама не зная, как поступить, остается наедине с собой.

Разговоры с Ириной убедили меня в том, что как бы она сурово и пессимистически ни отзывалась о себе, как бы ни казалось ей, что она и ее мысли никому не нужны, — все это не так, или, вернее, не так грустно и безнадежно.

Когда я писал эти строки, мне стало известно, что доклад Широковой «Пути снижения брака огнеупорных изделий в условиях огнеупорного производства», прочитанный ею на конференции молодых специалистов, признан одним из лучших, многие его положения серьезные и глубокие, ими заинтересовались крупные специалисты. А ведь был момент, когда Ирина наотрез отказывалась подготовить доклад. Но не смогла отказаться. И хотелось бы, чтобы поняли это те, кто рядом с Ириной на производстве.

Ее мама, немолодая и большая женщина, одна знала, как тяжело переживает Ирина каждый темный штришок в работе, видела, как страдает ее дочь только потому, что хочет и не всегда может делать по-доброму, по-честному и никак не меньше.

Видела и, не имея сил больше смотреть на это, написала письмо в редакцию. Она не просила помочь дочери. Она писала о ее работе, о браке. И о том, что нужно сделать, чтобы уменьшить брак.

Но не было нужды доискиваться до причин брака, отстаивать рациональные пути снижения его — об этом хорошо известно в огнеупорном производстве.

(Имя и фамилию моей героини я изменил по ее просьбе).

В. КУЧЕР.